

УДК 94(479)«1894»

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-3-110-131

Шумкин Георгий Николаевич

к.и.н., старший научный сотрудник Центра экономической истории, Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН (Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0000-0003-1858-8001

E-mail: shumk@mail.ru

**Записка министра земледелия и государственных имуществ
о поездке на Черноморское побережье Кавказа в 1894 г.**

АННОТАЦИЯ. Публикуемый документ — отчет о первой поездке А. С. Ермолова в должности министра земледелия и государственных имуществ по регионам Российской империи. Маршрут этого путешествия пролегал по территории регионов, которые сравнительно недавно были присоединены к Российской империи — по Черноморскому побережью Кавказа, Закавказью, Закаспийской области и Туркестанскому краю. Из всех этих регионов наиболее сложную ситуацию Ермолов обнаружил на Черноморском побережье. В записке от третьего лица излагаются его впечатления от поездки на Кавказ, дается описание проблем края, указываются вероятные причины, которые привели к их возникновению, и намечается программа социально-экономического развития региона. Этой запиской министр земледелия и государственных имуществ обратил внимание Николая II на непростое социально-экономическое положение Черноморского побережья и тем самым инициировал подготовку и проведение целого комплекса административных и социально-экономических мероприятий, в ходе которых была образована Черноморская губерния, активизировалась политика по заселению края крестьянами из центральных губерний России, организована поддержка «высоких» сельскохозяйственных культур, заложены основы курортного дела, модернизирована транспортная инфраструктура. Проведенные реформы определили основные направления социально-экономического развития края в XX — начале XXI в. Предваряет публикацию источника вводная статья, в которой излагается круг задач, возложенных на министерство земледелия и государственных имуществ, а также результаты преобразований, проведенных на Кавказе по инициативе А. С. Ермолова.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: А. С. Ермолов, Кавказ, Черноморское побережье, Черноморская губерния, колонизация

UDC 94(479)«1894»

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-3-110-131

Georgy N. Shumkin

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

ORCID: 0000-0003-1858-8001

E-mail: shumk@mail.ru

**The Minister of Agriculture and State Property's Note
On His Trip to the Black Sea Caucasian Coast in 1894**

ABSTRACT. The published document is a report on the first trip of A. S. Ermolov as the Minister of Agriculture and State Property to the regions of the Russian Empire. The route of this trip ran through the territories of regions that had relatively recently been annexed to the Russian Empire — along the Black Sea Caucasian coast, Transcaucasia, Transcaspian region and Turkestan Region. Of all these regions, Ermolov found the most difficult situation on the Black Sea coast. The note from a third person describes his impressions of the trip to the Caucasus, sets forth the problems of the region, indicates the probable causes that led to their occurrence, and outlines a program for the socio-economic development of the region. With this note, the Minister of Agriculture and State Property drew the attention of Nicholas II to the difficult socio-economic situation of the Black Sea coast and thereby initiated the preparation and implementation of a whole complex of administrative and socio-economic measures, during which the Black Sea Province was formed, the policy of settling the region with peasants from the central provinces of Russia was activated, the support for «high» agricultural culture was organized, the foundations of the resort business were laid, the transport infrastructure was modernized. The reforms carried out determined the main directions of socio-economic development of the region in the 20th — early 21st centuries. The publication of the source is preceded by an introductory article, which outlines the range of tasks assigned to the Ministry of Agriculture and State Property, as well as the results of the transformations carried out in the Caucasus on the initiative of A. S. Ermolov.

KEYWORDS: A. S. Ermolov, Caucasus, Black Sea coast, Black Sea province, colonization

Одним из следствий голода 1891–1892 гг. стало преобразование Министерства государственных имуществ в Министерство земледелия и государственных имуществ, то есть в ведомство, которое должно было отвечать за сельское хозяйство страны. Однако спектр задач, которые были возложены на это ведомство, был существенно шире (в процессе реорганизации предлагалось его назвать Министерством земледелия, промышленности и торговли, но эта идея не прошла). Ему вверялось «заведование сельскохозяйственной, лесной и горной промышленностью, а также государственными имуществами». «К предметам ведомства» принадлежали: «1) попечение о распространении и усовершенствовании земледелия, скотоводства и других отраслей сельского хозяйства; 2) попечение о развитии кустарного промысла сельского населения; 3) распоряжение капиталами для поощрения сельской промышленности; 4) заведывание рыбными и звериными промыслами; 5) общий надзор за исполнением правил о сбережении лесов, а равно поощрение лесоразведения и устройства лесов на землях частных владельцев; 6) заведывание горной частью и некоторыми минеральными водами, а также сохранение всех вообще минеральных источников; 7) содействие торговли сельскохозяйственными, лесными и горнозаводскими произведениями; 8) заведование состоящими в ведении Министерства учебными заведениями по сельскохозяйственной, лесной и горной частям, а также казенными образцовыми фермами, опытными станциями и т. п. заведениями; 9) соби́рание и разработка статистических сведений по сельскохозяйственной, лесной и горной промышленности; 10) управление государственными имуществами: землями, имениями, оброчными статьями и лесами; 11) поземельное устройство некоторых разрядов сельских обывателей; 12) участие в переселенческом деле». Сверх того на Министерство возлагался ряд специальных функций, географически привязанных к национальным окраинам: управление имениями и лесами заграничных монастырей в Бессарабской области, попечительство над инородцами Сибири, Архангельской, Астраханской, Ставропольской и других губерний, над колонистами Кавказского края и над евреями-земледельцами в Херсонской и Екатеринославской губерниях¹. Фактически в ведении Министерства находился весь первичный сектор экономики (то есть добыча и первичная переработка природных ресурсов), а также инородческое население Империи.

Обширный круг задач требовал личного присутствия главы ведомства. Поэтому министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов был одним из самых активно путешествующих чиновников в конце XIX в. В 1894 г. он посетил побережье Черного моря, Кавказ, Закаспийскую область и Туркестанский край; в 1895 г. — Олонецкий край, верхневолжские губернии, Урал и Сибирь; в 1897 г. — Астраханскую губернию и Кавказ; в 1898 г. — Среднее Поволжье, Урал и Сибирь; в 1899 г. он объехал территорию всей Европейской России («внутренние губернии») и Кавказ, в 1902 г. — внутренние губернии и снова Кавказ. По итогам командировок готовились подробные отчеты императору, в которых министр давал подробную характеристику социально-экономической ситуации и основных проблем региона, предлагал способы их решения и определял основные направления политики своего ведомства. На полях отчетов царь делал пометы, которыми выражал свое отношение как к сложившейся ситуации, так и предполагаемым преобразованиям. Поскольку отчеты с пометами царя являлись программой действия Министерства, их обнародовали. Были опубликованы «Всепопданнейшие доклады» о поездках 1895, 1898 и 1902 гг.² Но отчеты о командировках 1894, 1897 и 1899 гг., содержащие информацию о непростой социально-политической обстановке на Кавказе, не публиковались, они сохранились только в делопроизводственной документации Министерства³.

Кавказу и, прежде всего, его Черноморскому побережью А. С. Ермолов уделял много внимания. Маршруты трех из пяти его путешествий по России в 1890-х гг. прошли по территории этого региона.

¹ ПСЗ РИ III. Т. 14. № 10457. Ст. 1–3.

² Всепопданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Олонецкий край, Верхне-Волжские губернии и на Урал осенью 1895 года. СПб., 1896. 135 с.; Всепопданнейший доклад Министра Земледелия и Государственных Имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 года. СПб., 1896. 53 с.; Прибавление к Всепопданнейшему докладу министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 года. СПб., 1896. 123 с.; Всепопданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь летом 1898 года. СПб., 1899. 59 с.; Поездка министра земледелия и государственных имуществ в 1902 году. СПб., 1903. 140 с.

³ РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 153. Л. 80–91; Д. 155. Л. 17–54; Д. 163. Л. 133–163.

Столь пристальный интерес был обусловлен очень непростым состоянием региона, в котором тот оказался через 20 лет после присоединения к России. Если «во времена горского владычества», по словам А. С. Ермолова, здесь «проживало несколько сот тысяч горцев, аулы их были окружены садами, следы которых видны доселе», то в начале 1890-х гг. край населяло «не более 17 000 душ, остальные в безвестной отлучке, а наличные жители бедствуют, живут впроголодь и вымирают от лихорадки»⁴, и притом «свободных земель, по мнению местной администрации, более почти не имеется»⁵. Ситуацию обостряли конфликты между местным населением и переселенцами, между русским и инородческим населением, между теми, кто переселился в 1870–1880-х гг., и теми, кто принял решение осесть в этом крае в 1890-е гг.

Для выхода из кризиса А. С. Ермолов наметил преобразования по нескольким направлениям: во-первых, с целью повышения эффективности управления краем Черноморский округ следовало выделить из состава Кубанской области в самостоятельную губернию; во-вторых, необходимо было развивать пути сообщения, строить порты и Черноморское шоссе; в-третьих, необходимо было пересмотреть колонизационную политику, сделав ставку преимущественно на русских; и, в-четвертых, оказать поддержку колонистам, учредив должности агрономов, виноделов, организовав школы садоводства, опытные станции, организовав ипотечный и мелиоративный кредит и т. д.

Данная программа была успешно реализована благодаря поддержке члена государственного совета, гофмейстера А. А. Абазы⁶, назначенного председателем Особой комиссии для разработки законопроектов по колонизации и оживлению Черноморского побережья. В 1896 г. была создана Черноморская губерния⁷, разделенная на три округа — Новороссийский, Туапсинский и Сочинский, с губернским центром в Новороссийске. В 1904 г. к ней была присоединена Гагринская климатическая станция с прилегающим районом⁸. Благодаря продуманной политике переселения с 1897 по 1914 г. численность населения губернии выросла более чем в три раза — с 57,6 тыс. чел. до 194,5 тыс. чел.

В губернии активно развивалось сельское хозяйство. Если в 1900 г. снято 498 тыс. пуд. хлеба, то в 1914 г. 747 тыс. пуд., а также 248,5 тыс. пуд. фруктов, 240 тыс. пуд. винограда, 126,5 тыс. пуд. табака и произведено 190,9 тыс. ведер вина. В организованных Министерством земледелия и государственных имуществ вдоль всего Черноморского побережья Кавказа опытных станциях, имениях и школах садоводства были акклиматизированы и стали распространяться среди местного населения культуры китайского и индийского чая, японских мандаринов и хурмы, апельсина, инжира, персика, земляного ореха, маслины, ямса и батата⁹.

В 1890-х гг. было построено Черноморское шоссе (являющееся до сих пор единственной трассой вдоль побережья Черного моря). В крупный транспортный узел превратился Новороссийск. Если в 1900 г. в него прибыло по железной дороге и морем 60 млн пуд. грузов, то в 1913-м — 116 млн пуд.¹⁰ Успешно функционировали и другие порты губернии — Джубга, Геленжик, Туапсе, Лазаревка, Сочи, Адлер, Гагры, новые Гагры. Если в 1899 г. было получено 1,7 млн руб. таможенных сборов, то в 1913 г. — 3 млн руб.¹¹

Активно развивалось курортное дело. В районе Адлера и Сочи проведена осушка малярийных болот. Для строительства курортной инфраструктуры в окрестностях Новороссийска, Сочи, Туапсе, Хосты, Адлера, царского имения Дагомыс были организованы т. н. «дачные участки». В руслах рек Ачипсе, Мацеста, Чвижипсе было открыто несколько источников минеральных вод¹², благодаря

⁴ РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 155. Л. 19 об.

⁵ РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 155. Л. 21.

⁶ РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 157. Л. 86–91.

⁷ ПСЗ–III. Т. 16. Ч. 1. № 12995.

⁸ ПСЗ–III. Т. 24. Ч. 1. № 25568.

⁹ РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 163. Л. 158 об.

¹⁰ Обзор Черноморской губернии за 1900 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Черноморского губернатора. Б. м., 1901. С. 10–12, 30; Обзор Черноморской губернии за 1914 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Черноморского губернатора. Б. м., 1915. С. 3, 8–10, 13–14.

¹¹ Обзор Черноморской губернии за 1898 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Черноморского губернатора. Б. м., 1899. С. 29; Обзор Черноморской губернии за 1913 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Черноморского губернатора. Б. м., 1914. С. 12.

¹² РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 163. Л. 146 об. – 147.

которым Сочи должны были превратиться в бальнеологический курорт. По мысли А. С. Ермолова, «расположенная довольно высоко в горах» Красная Поляна (здесь был построен город Романовск) представляла «местность, весьма пригодную для устройства горной станции», которую охотно будут посещать «жители прибрежной местности Черноморья во время жарких летних месяцев, когда пребывание на берегу делается от зноя почти невыносимым. Наоборот, прибрежные местности, и в особенности Сочи и Сухум, предоставляют все удобства для устройства зимних станций» для больных, «страдающих легочными болезнями»¹³.

Всеподданнейшие доклады и записки министра земледелия и государственных имуществ представляют большой интерес, особенно в контексте изучения социально-экономической политики в регионах в конце XIX — начале XX в. Однако до настоящего времени не часто попадали в поле зрения исследователей¹⁴. В публикуемой записке от третьего лица излагаются впечатления А. С. Ермолова от его первой поездки на Кавказ, определяется основной круг проблем Черноморского побережья Кавказа, называются причины, которые привели к возникновению данных проблем, и намечается программа социально-экономического развития региона. Документ публикуется в соответствии с современной орфографией, но с сохранением стилистических особенностей.

Записка Министра Земледелия и Государственных Имуществ о Черноморском побережье Кавказа^{1) 2) 3)}

Согласно Высочайшему повелению в Бозе почившего Императора Александра III, Министр Земледелия и Государственных Имуществ, во время поездки своей на Кавказ, осенью 1894 года, обратил особенное внимание на Черноморское побережье Кавказа. Природные богатства этого края и то печальное состояние, в котором он ныне находится, невзирая на почти тридцатилетние усилия Правительства к его колонизации и оживлению, вызывают необходимость подробного изучения его условий и ближайшего выяснения причин такого неуспеха.

Заботы о заселении Черноморского края с целью развития в нем культуры начались немедленно по оставлении его горцами, во второй половине 60-х годов, причем Правительством затрачены были значительные суммы на привлечение туда переселенцев. Но так как русские считались в то время мало пригодным элементом для заселения края, — по естественным его условиям и по роду необходимой в нем культуры (садоводство и виноделие), — столь отличного от прочих местностей России, то признано было необходимым по преимуществу населять его греками, армянами и другими инородцами, которые на казенный счет выписывались из Малой Азии и получали значительные льготы при водворении. Но еще до окончательного замирения края, с целью создания надежного оплота против горцев, в край были переселены, на основании положения 10 Мая 1862 года, также со значительными пожертвованиями от казны и со щедрым наделением землею (по 20 дес[ятин] на душу), казаки из Кубанской области, которые образовали 12 станиц так называемого Шапсугского берегового батальона. Если благодаря успехам русского оружия и геройским подвигам русских солдат уже в половине шестидесятых годов удалось его окончательно умиротворить и очистить от враждебных России горцев, то с другой стороны ожидания Правительства от принятых им мер к заселению и оживлению Черноморского побережья на деле, к сожалению, далеко не оправдались.

Армяне и греки скоро освоились условиями тех местностей, где они были поселены, но, живя в Черноморском округе более 20 лет, они тем не менее всецело сохраняли свои племенные особенности, в том числе и нескрываемую, проявляющуюся наглядно и до сих пор, вражду ко всему русскому. Живут они особняком, ни в какое общение с русскими не входят и хотя нередко пользуются довольно значительным благосостоянием, но основой этого благосостояния часто является не что иное, как эксплуатация соседей-русских или такие культуры, которые в их руках имеют часто хищнический характер, как, например, табаководство, основанное исключительно на распашке

¹³ РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 157. Л. 90–91.

¹⁴ Зубков К. И., Побережников И. В., Шумкин Г. Н. Формирование политики модернизации имперских окраин России в конце XIX в.: предложения и проекты А. С. Ермолова // Журнал фронтирных исследований, 2020. № 4. С. 106–126.

земель из-под леса и возделывании на них табака впредь до полного их истощения, после чего переходят на новые земли и т[ак] д[алее]. Что же касается до казаков Шапсугского батальонаⁱ, то они при переходе в чуждые им условия оказались вполне неспособными к ним примениться и до сих пор находятся в самом бедственном состоянии. В первое время их водворения были установлены бдительный за ними надзор и попечительство, причем известная система последовательной разработки земель была сделана для них обязательной и нерадивые хозяева подвергались весьма строгим взысканиям. Но с упразднением Шапсугского берегового батальона и перечислением 12-ти образовавших его станиц в гражданское ведомство (на основании Высочайше утвержденного 18 Октября 1870 года Положения), поселенцы из бывших казаков были предоставлены их собственным силам; с тех пор экономический быт их только ухудшился. Когда позднее началось внедрение в край русских поселенцев из внутренних губернийⁱⁱ, то оно тоже велось без надлежащей системы и без всякого попечительства над поселенцами: льготы новым поселенцам были значительно сокращены, и в то время, как прежде водворенные греки, армяне и казаки обходились казне свыше тысячи рублей на человека, новым поселенцам давалось не более 40 руб[лей] на двор, и то в виде ссуды на обзаведение. Ныне в распоряжении местной администрации для выдачи этих пособий имеются ничтожные средства, по 4000 руб[лей] в год, т[ому] е[сть] на 100 дворов, между тем как число желающих поселиться считается тысячами. Впрочем, судьба поселившихся, даже со сказанным пособием, остается доселе весьма печальною. Предоставленные исключительно своим собственным силам, в незнакомых им природных условиях, в крае, где все привычные им приемы земледелия оказываются непригодными, в местности, где господствуют губительные лихорадки, среди лесов, изобилующих дикими зверями — кабанями, медведями и т[ому] п[одобное], истребляющими их скот и посева, — они терпели и терпят самую горькую нужду и почти поголовно готовы покинуть столь негостеприимно приютивший их край. Есть селения, где теперь осталась половина, одна треть, даже только четвертая часть поселенных первоначально семейств, — остальные вымерли или ушли. Многие неудобства переселенцы терпели и от тех стеснений, которые они встречали в прежнее время со стороны чинов, призванных охранять в крае государственные имущества: так, им воспрещалась рубка на продажу леса, росшего даже на отведенной в их надел земле, иначе как с уплатой в пользу казны попенных денег; воспрещалась пастьба скота в лесах, воспрещалась ломка камня, хотя бы для возведения построек или починки дорог, так как каменоломни должны были составлять оброчную статью для казны; воспрещалось брать песок с морского побережья, по той же причине; запрещалась охота на диких зверей в видах охранения дичи от истребления и т[ому] п[одобное]. К довершению их бедствий, новых поселенцев ожидал самый недружелюбный прием со стороны старожилов, которые, успев захватить наиболее пригодные для культуры места, отказывались делиться ими с новоселами и отводили им только горы и скалы, где нередко никакая культура не была возможна. А так как, по причинам, которые будут изложены ниже, свободных мест для поселения не оказывалось, то новых поселенцев приселяли к старым и заставляли входить в состав прежде образовавшихся и уже сплотившихся обществ, оказывавших им самый энергичный отпор. Вследствие этого на всем Черноморском побережье господствует донныне непримиримая вражда между иноземцами (греко-армянами) и русскими, с одной стороны, и между старожилами и поселенцами — с другой. Не было, можно сказать, ни одного селения из числа посещенных Министром Земледелия и Государственных Имуществ, где бы население не осаждало его жалобами на взаимные притеснения, и обиды и в большинстве случаев, по расследовании, жалобы эти оказывались более или менее основательными. Старожилы жаловались на то, что новоселы стремятся завладеть расчищенными ими нивами, новоселы на то, что старожилы не отводят им сколько-нибудь пригодных для культуры мест; греки и армяне — на то, что к ним приселяют русских, взамен своих соотечественников — анатолийских армян и греков, которые доселе массами приливают на Черноморский берег из Турции и стремятся здесь водвориться, нередко вполне самовольно и вопреки распоряжениям начальства; русские жаловались на притеснения и обиды со стороны армян и греков и т[ому] п[одобное].

ⁱ Шапсугский береговой батальон был образован в 1862 г. (ПСЗ—II. Т. 37. № 38256).

ⁱⁱ ПСЗ—II. Т. 41. № 43093.

Другая мера, которой предполагалось достигнуть развития и оживления края в культурном отношении, заключалась в широкой раздаче земельных участков в виде Высочайших пожалований лицам, служившим в крае, и в продаже их на самых льготных условиях — по 10 руб[лей] за десятину, с рассрочкою платы на 10 лет. Ожидалось, что владельцы этих участков поселятся на них или, по крайней мере, примутся за их разработку, но и это ожидание на деле вовсе не оправдалось. Несмотря на то, что таким образом было роздано и распродано огромное количество земель, — и притом лучших по расположению, у берега моря и в местах, наиболее удобных для культуры, — участки эти и доселе остаются, за немногими, единичными исключениями, в самом первобытном, диком состоянии, в большинстве случаев даже в худшем, нежели у крестьян — поселенцев. К сожалению, большинство лиц, получивших участки на столь льготных условиях, имело в виду отнюдь не их разработку, а руководствовалось только надеждою на будущее повышение цен на земли и на возможность перепродать их впоследствии со значительным барышом. Только те лица, которым удалось получить участки с ценным лесом, и особенно с так называемою кавказскою пальмоюⁱⁱⁱ, поспешили вырубить все то, что было в их дачах ценного и доступного для вывоза, чтобы затем их бросить на произвол судьбы. Есть немало участков, самое местопребывание владельцев которых никому не известно, которые не только сами никогда их не посещали, но не имеют даже на месте поверенных, так что и земские сборы за эти участки остаются десятками лет не взысканными и неизвестно, с кого их взыскивать. А между тем разработка земель, уничтожение чрезмерно разгустившейся древесной поросли (препятствующей даже правильному лесовозобновлению) служат единственным средством для прекращения лихорадок, поддерживаемых вечно сыростью этих непроходимых, недоступных солнечному лучу дебрей. Даже там, где есть уже разработанные стараниями поселенцев и немногих отдельных владельцев участки, оздоровлению их препятствуют окрестные заросли, дающие только приют диким зверям.

Тем с большим уважением приходится остановиться на деятельности тех, к сожалению, единичных пионеров культуры и цивилизации, которые решились посвятить свои силы и средства разработке приобретенных ими участков. Между ними Министр Земледелия и Государственных Имуществ считает себя обязанным поименовать: г[оспод] Пиленко^{iv}, Пенчула^v, барона Штейнгеля^{vi} и Сибирякова^{vii}, как насадителей виноградарства близ Анапы, Новороссийска и Туапсе; Еропкина — близ села Берегового^{viii}; Хлудова — близ Сочи^{ix};

ⁱⁱⁱ Кавказская пальма — самшит вечнозеленый.

^{iv} Пиленко Дмитрий Васильевич (1830–1895) — государственный деятель, пионер виноделия в районе Анапы. Окончил Корпус горных инженеров, служил на Алагирском серебро-свинцовом заводе, с 1861 г. — в саперном батальоне, с 1864 г. — начальник штаба Кубанского казачьего войска, с 1867 г. — начальник Черноморского округа, с 1876 г. — командир Кубанской казачьей дивизии. В 1883 г. вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта. В 1865 г. основал имение «Хан Чокрак» под Анапой, в котором занялся виноделием. В 1871 г. заложил первый виноградник в имении Абрау.

^v Пенчул Михаил Федорович (1831–1909) — пионер виноделия в районе Новороссийска. В 1856 г. окончил медицинский факультет МГУ, служил в Крымском и Севастопольском пехотных полках на Кавказе, работал врачом больницы Екатеринодарской войсковой богадельни и острога, в Пансионской больнице Мариинского кубанского женского училища. В 1896–1898 гг. — городской голова Новороссийска. В 1868 г. приобрел 40 десятин в урочище Мыксахо, где занялся разведением винограда. В 1889 г. вина М. Ф. Пенчула были отмечены большой серебряной медалью на Кавказской выставке в Тифлисе. В 1903 г. передал свое имение в Министерство земледелия и государственных имуществ.

^{vi} Штейгель Рудольф Васильевич (1841–1892) — барон, инженер путей сообщения. Руководил строительством Орловско-Витебской, Грязе-Царицынской и Балтийской, Владикавказской железных дорог. В 1881–1882 гг. в окрестностях Армавира создал образцовое имение «Хуторок» общей площадью более 8,2 тыс. дес., ныне — город Новокубанск.

^{vii} Сибиряков Константин Михайлович (1854 — после 1908) — потомственный почетный гражданин, золотопромышленник, скульптор, издатель, меценат, народник, толстовец. В 1880-е в 22 верстах от Туапсе приобрел у Кривенко имение, в котором стал выращивать клещевину, кунжутное семя, сахарное сорго, китайскую крапиву, хлопок, чай, виноград. Имение продано Голубеву (ныне поселок Голубая Дача).

^{viii} Еропкин Виктор Васильевич — один из основателей земледельческой общины интеллигентов-народников «Криница», основанной в 1886 г. под Геленджиком (подробнее об общине см.: Паназтов О. Г. Основатели и идеалы общины «Криница» // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 1. С. 44–49).

^{ix} Хлудов Василий Алексеевич (1841–1913) — потомственный почетный гражданин, член правления Егорьевской бумагопрядильной фабрики Товарищества А. и Г. братьев Хлудовых, директор правления товарищества «Сталь». В 1883 г. на участке земли между реками Сочи и Псахе основал винодельческое имение «Раздольное». Ныне — парк Ривьера в г. Сочи.

Татарина^x, Ноева^{xi} и Введенского^{xii} (сад коего куплен Его Императорским Высочеством Великим Князем Александром Михайловичем^{xiii}) — близ Сухума; Соловцова^{xiv} и Попова^{xv} (основателей чайной культуры на Кавказском побережье), Стоянова, Вучино и некоторых других — близ Батума. Высококультурный оазис, оказывающий благотворное влияние на всю окружающую местность, представляет и удельное имение Абрау^{xvi}, близ Новороссийска. Не меньшего внимания заслуживает полезная и поучительная деятельность в крае монастырей — Драндского^{xvii}, Пицундского^{xviii} и еще более Ново-Афонского^{xix}; последний не только являет окрестному населению пример самой совершенной культуры, но и просвещает его светом Евангельского учения. Чем более деятельность упомянутых выше тружеников заслуживает уважения и даже удивления, чем плодотворнее и поразительнее достигнутые ими результаты, тем безотраднее картина окружающего их запустения, посреди богатой и способной к самому высокому развитию природы.

Невероятное богатство природы Черноморского побережья не может подлежать никакому сомнению и блистательно доказано результатами, полученными упомянутыми выше деятелями. Северная часть побережья от Анапы и до реки Шахе, — несколько южнее Туапсе, — способна к производству самых лучших вин, не только равняющихся, но даже превосходящих по качеству крымские и кахетинские. Доказательством тому служат вина из имения Абрау, вина Пенчула, барона Штейгеля, Сибирякова; даже вина из немногих местных крестьянских виноградников находят себе обеспеченный сбыт по весьма высокой цене. Южная часть побережья — Сухумский и Батумский округа — соединяют все условия для культуры самых ценных подтропических растений: апельсины, лимоны, оливки, чай, индиго, фисташковое дерево, финиковая пальма, банан, бамбук, пробковый дуб, рами^{xx} и многие другие представители южной флоры могут расти здесь вполне успешно, доказательством чего служат сады Великого Князя Александра Михайловича, Татарина, Стоянова, д'Альфонса^{xxi}, Соловцева и т[ому] п[одобное]. Наконец, средняя часть побережья, по почвенным условиям менее пригодная для культуры винограда, дает возможность выращивания многих ценных плодов и овощей, которые по времени созревания могли бы заменить ранние сорта их, ныне привозимые в Петербург, Москву и другие центры потребления из Константинополя, Алжира, Египта. По всей средней и южной части побережья

^x Татарин Павел Егорович (1833–1905) — тайный советник, чиновник Министерства государственных имуществ и Министерства внутренних дел. В 1885 г. поселился в своем имении близ Сухума. Заложил сад, в котором произрастали 48 редких видов пальм, 20 видов эвкалиптов, 46 видов агав, 27 видов кипарисов и др. растения. В 1891 г. возглавил Сухумский ботанический сад.

^{xi} Ноев Федор Федорович — предприниматель. В 1888 г. заложил питомник гиацинтов в окрестностях Сухума.

^{xii} Введенский Аполлон Никитич — полковник артиллерии, начальник Сухумского военного отдела. В 1872 г. получил в Сухуме земельный участок, где построил дачу. Им была осушена заболоченная почва и был разбит сад «Флора», где было культивировано около 10 тыс. саженцев различных растений. Во время Русско-турецкой войны сад был разорен, но после войны восстановлен, а в 1891 г. был продан великому князю Александру Михайловичу.

^{xiii} Александр Михайлович (1866–1933) — великий князь, внук Николая I, муж великой княжны Ксении Александровны, родной сестры Николая II. В 1891 г. приобрел у А. Н. Введенского имение «Флора» и, являясь морским офицером, переименовал его в «Синоп». Ныне — парк «Синоп» в Сухуми.

^{xiv} Соловцов А. А. — полковник инженерных войск. В 1884 г. приобрел участок около Чаквы в окрестностях Батума, на котором создал плантацию чая и построил чайную фабрику. После его смерти в 1896 г. хозяйство разорилось. Подробнее о чаеводстве см.: Бахтадзе К. Е. Развитие культуры чая в СССР. Тбилиси, 1961. 171 с.

^{xv} Попов Константин Семенович (1850–1919) — чаеоторговец. В 1892 г. приобрел около 300 десятин около в Салибаури, Капрешуми и Чакве (Батумский округ и Кутаисская губерния) под чайные плантации. Попов пригласил из Китая специалиста Лау Джон Джэу (Лю Цзюнь Чжоу), сыгравшего ключевую роль в становлении культуры грузинского чая.

^{xvi} Абрау — имение Министерства Императорского двора и уделов, основанное в 1871 г. М. Ф. Пенчулом. С 1872 г. в имении культивируются виноградники, в 1877 г. собран первый урожай винограда. С 1893 г. под руководством Голицына разводятся шампанские сорта винограда. Ныне — село Абрау-Дюрсо.

^{xvii} Драндский монастырь основан в 1880 г. при Успенском соборе VII–VIII вв. в селе Дранда в Сухумском округе.

^{xviii} Пицундский монастырь учрежден в 1872 г. при Пицундском храме (ПСЗ–II. Т. 47. Ч. 1. 51121; Т. 48. Ч. 1. № 52107).

^{xix} Ново-Афонский мужской монастырь основан в 1875 г. монахами монастыря Св. Пантелеимона со Старого Афона. Во время Русско-турецкой войны был разорен, после войны восстановлен. Один из главных духовных центров Кавказа.

^{xx} Рами, или китайская крапива — одна из древнейших прядильных культур.

^{xxi} Д'Альфонс Михаил (1856–1898) — французский дворянин, пионер садоводства в Батумском округе. В 1878 г. купил участок земли на мысе Килик в Батуме, на котором проводит акклиматизацию тропических растений (ныне «Зеленый мыс» в Батуми). С 1884 г. — управляющий Батумского бульвара.

могут с успехом возделываться хлопок и рис, который уже и теперь в Батумском округе дает превосходные урожаи.

Не менее богата эта область и лесом самых ценных пород, хотя, к сожалению, за исключением лесов казенных, все частновладельческие леса, расположенные в местах, доступных для сбыта, уже истощены неразумною вырубкою и превращены в мелкую поросль. Дорогая пальма, продающаяся на вес по 50 к[опеек] — 1 ½ руб[ублей] за пуд, ныне сохранилась только в лесах казенных; также и ореховые напльвы, идущие в продажу по 5–15 р[ублей] за пуд. Невзирая на обилие произрастающих здесь гигантских пихт, дубов, каштанов, сосен, тиса и т[ому] п[одобное], город Батум, потребляющий миллионы досок для выделки керосиновых ящиков, получает лес для них из Австрии. Дубовые колья, употребляемые для виноградников, продаются по 8–18 р[ублей] за тысячу, а на южном берегу Крыма стоят 50–55 р[ублей] и получают из Малой Азии.

Наконец, многие местности Черноморского побережья изобилуют и минеральными богатствами. На первом плане между ними по обширности распространения следует поставить цементный камень; так называемая стопластовая залежь^{xxii} этого камня, начинаясь от Новороссийска, тянется по всему побережью на сотни верст и во многих местах представляет все удобства для разработки. Местами цементный камень переходит в более плотную разновидность его, называемую литографским камнем, немногие месторождения которого в Западной Европе уже близки к истощению; далее открыты руды: серебро-свинцовая, цинковая, медная, марганцевая; во многих местах обнаруживаются признаки нефти, найдены богатые и самые разнообразные минеральные источники.

Во времена горского владычества в одном районе Черноморского округа проживало несколько сот тысяч горцев; аулы их были окружены садами, следы которых видны доселе и которые долгое время давали плоды, служившие иногда единственным источником существования сменивших горцев русских поселенцев; теперь эти сады частью одичали, заглохли, частью вырублены поселенцами, которые, особенно в первое время, не задумывались рубить целое дерево, чтобы легче было собирать с него плоды. Вместо нескольких сот тысяч горцев, ныне все население Черноморского округа определяется — номинально — в 28 000 душ; в действительности не более 17 000 душ, остальные в безвестной отлучке, а наличные жители бедствуют, живут впроголодь и вымирают от лихорадки в том самом крае, где горцы благоденствовали и занимались высокою культурою, следы которой местами и доселе еще не могли быть истреблены. В чем же следует искать объяснение этого странного и печального явления?

По мнению Министра Земледелия и Государственных имуществ, причин этих много, и они довольно сложны. Первая причина заключается в административном неустройстве края. В этом отношении в последнее время край несомненно пошел назад, а не вперед. В первые же годы по уходе горцев введено было, на основании Высочайшего указа 10 Марта 1866 г[ода]^{xxiii}, положение об управлении Черноморским округом и о его заселении, причем надзор за водворением переселенцев был вверен особым попечителям, местопребывание коих назначалось, по усмотрению Наместника Кавказского, в наиболее центральных пунктах прибрежных селений. В распоряжении начальника округа состояли агроном, медики, ветеринарный врач, землемер, архитектор. Общий расход на администрацию округа (с городом Анапой) составлял до 47 000 р[ублей] в год. В 1874 г[оду] Управление округом было преобразовано, и состав чинов администрации был еще усилен; вместе с тем и сумма расходов по управлению округом увеличена до 63 000 р[ублей], не считая расходов на содержание чинов судебного ведомства. Округ был разделен на 3 отдела, и в каждом отделе находились попечитель, врач, по 2 фельдшера и т[ому] п[одобное]. Начальник Округа действовал на праве губернатора. В 1888 году состоялось новое преобразование^{xxiv}, согласно коему Черноморский округ подчинен в порядке

^{xxii} Так в источнике. Стопластовая залежь — мощная свита на Кавказском побережье Черного моря, состоящая из слоев известняка, мергелей и песчаников. Из 400–500 пластов, образующих свиту, более 100 являются сырьем для изготовления цемента.

^{xxiii} ПСЗ—II. Т. 41. Ч. 1. № 43093.

^{xxiv} ПСЗ—III. Т. 8. № 5077.

управления начальнику и областным учреждениям Кубанской области и на все Управление округом (начальник, его помощник, 3 участковых начальника, окружной и ветеринарный врач и т[ому] п[одобное]) ассигновано всего 12 953 р[ублей]. Окружному Начальнику присвоены права и обязанности, принадлежащие по общим узаконениям уездным исправникам, а участковым начальникам даны права становых приставов. В таком положении Черноморский округ находится и поныне. Результатом означенного преобразования явилось то, что в настоящее время в этом крае нет ни фактической власти (один начальник с помощником и три участковых начальника на область пространством по берегу Черного моря в 360 верст и шириною в разных частях округа от 20 до 100 верст), ни суда — один мировой судья в г[ороде] Новороссийске, ведению коего подчинена и часть Кубанской области, с мировым съездом за пределами округа — в Тамани, ни полиции — участковые начальники представляют собою низшую полицейскую силу, не имея в своем распоряжении ни нижних полицейских чинов, ни даже простых рассыльных. В округе нет ни волостного, ни сельского устройства, ни даже сельских судов, так что жители вынуждены за разбором каждого самого мелочного дела обращаться иногда за сотни верст к мировому судье в Новороссийск. Правильного почтового сообщения тоже нет, — прежде для перевозки служебной почтовой корреспонденции служили казачьи посты, но теперь и они сняты. Несмотря на крайнюю лихорадочность местности, врачебной помощи на местах не имеется никакой, — один окружной врач в Новороссийске, один ветеринарный врач там же, один фельдшер и одна повивальная бабка на весь округ. Ни войск, ни казачьего поселения в округе в настоящее время равным образом не имеется.

Впрочем, невозможность оставлять долее округ в таком положении уже обратила на себя внимание высшего кавказского начальства, которым ныне разработан проект преобразования Управления, с созданием из него вновь самостоятельной административной единицы.

Но не одно административное неустройство тормозило правильное развитие и заселение Черноморского округа. Не менее серьезную роль в этом отношении играет и неустройство поземельных отношений.

Как было изложено выше, первыми поселенцами в крае явились казаки из Кубанской области, которые были переселены обязательно, по жребию, и которые образовали так называемый Шапсугский береговой батальон. На основании Положения 10 Мая 1862 года^{xxv} им назначалось в полную собственность по 20 дес[ятин] на наличную душу удобной земли; те же казаки, которые изъявляли желание переселиться добровольно, получали, сверх надела, по 10 дес[ятин] на душу в полную собственность, — так называемые потомственные участки; позднейшим переселенцам, по правилам 10 Марта 1866 года о заселении Черноморского округа, дано было право на надел в 30 дес[ятин] удобной земли на двор, но без предоставления этой земли в полную собственность, а только в пользование^{xxvi}. Кроме того, значительное количество земли было роздано в силу Высочайших пожалований и распродано на льготных условиях частным лицам. Первоначально предполагалось, что раздаваемые и продаваемые участки не должны быть значительными, но от принятых сперва довольно умеренных норм скоро отступили и стали отчуждать в частное владение участки в 500–1000, — а по правилам 24 Февраля 1872 года о льготной продаже участков — и до 3000 десятин^{xxvii}.

На основании правил о заселении земли, отведенные переселенцам, должны были немедленно быть обмежеваны, но на деле это исполнено не было — все наличные и притом крайне значительные межевые силы заняты были межевыми работами по отводу частным владельцам Высочайше пожалованных и купленных участков, так что фактически межевание переселенческих земель началось только почти 25 лет спустя после начала заселения края, именно с 1890 года. Планов на отведенные под заселение участки также не было, руководствовались топографическими картами глазомерной съемки, составленными еще в 40-х и 50-х годах, во время войны с горцами с целями чисто военными. Границы отводимых участков означались только, и то не в натуре, а лишь на бумаге, самым приблизительным образом, по живым урочищам (в том числе по горным

^{xxv} ПСЗ—II. Т. 37. Ч. 1. № 38256.

^{xxvi} ПСЗ—II. Т. 41. Ч. 1. № 43093.

^{xxvii} ПСЗ—II. Т. 417. Ч. 1. № 50570.

речкам, беспрерывно меняющим свое течение), по горным хребтам, по местным названиям и т[ому] п[одобное]. При водворении поселенцам указывались предназначаемые им участки лишь в самых общих чертах, но им обещалось, что все, что они разработают, будет оставлено за ними. Самые размеры наделов, при эластичности понятия о том, что такое удобная земля, оставались крайне неопределенными и большинству поселенцев неизвестными.

За водворением при таких порядках поселенцев и за передачей огромных пространств земли в частные руки, — в руках казны остались только наиболее отдаленные от моря и от сколько-нибудь доступных путей леса и поляны на горных возвышенностях и голые скалы внизу, которых никто брать не захотел. Последствием же такого положения явилось то, что в крае, где в прежнее время было густое горское поселение, теперь поселено менее 20 000 душ и свободных под поселение земель, по мнению местной администрации, более почти не имеется. В действительности это, однако же, не совсем так.

Когда в 1890 году было приступлено к межеванию поселенческих участков, так называемых юртовых земель, то оказалось, что фактически население владеет не теми 20 десятинами на душу или 30 десятинами на двор, которые предполагалось отводить в надел по правилам о заселении, а пространствами земель неизмеримо большими. Так, оказалось, что у большинства селений площадь юртов составляет по 75–100–150 дес[ятин] и даже до 300 дес[ятин] на двор. У отдельных селений оказались юрты, составляющие до 700 дес[ятин] на двор, причем из этого огромного количества земель только самая ничтожная часть, по 2–3, самое большее 5 дес[ятин] — действительно разработано, все же остальное лежит впусе, под непроходимыми лесными зарослями. Когда же приступлено было к отрезке излишних земель, которые могут дать значительный земельный запас для новых поселений, тогда оказалось, что разработанные населением земли не приурочены к одному месту, но разбросаны часто ничтожными клочками, иногда по несколько квадратных сажен, на всем пространстве захваченных земель. А так как разработка земли из-под сплошного леса и приведение ее в культурное состояние требуют громадных усилий и большой затраты труда и времени, то население стало энергически протестовать против всяких отрезков, ссылаясь на то, что ему обещано право вечного пользования всем тем, чем оно фактически владеет. Отсюда масса жалоб и протестов против действий межевых партий, которыми был буквально засыпан Министр Земледелия и Государственных Имуществ во время проезда его по Черноморскому округу.

С другой стороны следует признать, что население, в руках которого находятся такие громадные пространства земель, фактически ими пользоваться не может и живет среди них в состоянии самой удручающей бедности. Русские поселенцы, как равно и бывшие казаки Шапсугского батальона, переселенные в этот край со степей Кубанской области, привыкли на родине к обработке плоскостных земель и переносят сюда свои столетиями усвоенные приемы полевой культуры на ровных полях. Удобными землями они считают только гладкие поляны, которые можно пахать плугом или сохой для посева хлеба, а все остальное ни во что не ценят. Но таких ровных земель здесь, посреди гор, лесов и скал, действительно весьма мало, почему поселенцы так и разбросались со своими культурами. А между тем в руках того же населения превосходные склоны и долины, которые, не будучи пригодными для хлебопашества, в высшей степени удобны для разведения виноградников, для садоводства, даже для пастьбы скота, но этими отраслями хозяйства поселенцы заниматься не умеют, а многие и не желают. Коль скоро земля не родит ржи или гречихи, она в их глазах не пригодна ни к чему и на такой земле, по их мнению, жить нельзя.

Кроме того, нельзя не признать, что наделение поселенцев землей по расчету 20 дес[ятин] на душу или 30 дес[ятин] на двор также составило ошибку. Нормы эти были выведены приблизительно к хозяйству на плоскости, где подобные наделы, конечно, обеспечили бы не только безбедное существование, но и благосостояние крестьян. Здесь же условия оказались совершенно иными. Работать и закультивировать под соответствующие условиям данной местности высшие культуры 20 или 30 дес[ятин] крестьянин, очевидно, не может; на это у него не хватает ни времени, ни сил. Но поселенцы, упуская из виду, что десятина виноградника или сада может обеспечить их лучше, нежели 3–5 дес[ятин] мало пригодных для хлебопашества земель, предпочли разбросать отдельные клочки пашен по всему пространству своих громадных наделов,

и собирая с них скудные, недостаточные для их прокормления урожаи хлебов, оставляя без всякой обработки все остальные.

При таких условиях очевидно, что слишком большие наделы составляют зло, а не благо для населения, побуждая его разбрасываться со своею культурою, вместо того, чтобы концентрировать ее на отдельной небольшой площади. Другое зло — при данных условиях края — составляет общинная форма владения, при которой разработанный и даже засаженный виноградными лозами, орехами или фруктовыми деревьями участок может быть во всякое время отобран и обращен в общественную собственность по приговору схода. При полном отсутствии сколько-нибудь правильного сельского управления подобные примеры бывали нередко, тормозя всякое стремление к улучшению культуры со стороны отдельных крестьян. Во многих селениях крестьяне обращались к министру Земледелия и Государственных Имуществ с просьбою поделить их земли раз и навсегда по дворам. Пусть хоть десятина будет, да своя, говорили они, тогда и виноградники разведем и орехи посадим, а теперь неизвестно, на кого работаем.

Оставление при данных условиях столь громадных пространств земли, нередко в 5–10 и более раз превышающих установленные законом, без того слишком обширные, наделы в руках немногочисленного местного населения, не умеющего ими пользоваться и не могущего их разработать, навсегда обрекло бы этот край на вечное запустение, делая в то же время невозможным привлечение в него новых переселенческих элементов извне. Чтобы судить о ненормальности настоящего положения дела в Черноморском округе, достаточно сказать, что, если бы применить здешние порядки и условия наделения землею, например, к южному берегу Крыма, то пришлось бы едва ли не весь южный берег отвести в надел одному селению, которое потом умирало бы с голода, так как по климатическим и почвенным условиям Крымское побережье далеко уступает восточному берегу Черного моря.

Неопределенность границ как между юртовыми землями, так равно и между ними и казенными и частновладельческими землями ведет, кроме того, к непрерывным спорам о захватах земель. Спорят отдельные селения между собою, предъявляют претензии к казне и частным лицам. Эта поземельная неурядица достигает наивысшего предела в Батумском округе, где особенно сильно стремление частных лиц захватывать казенные земли и закреплять их за собою в силу закона о давности, при помощи подставных свидетелей, которые за небольшое вознаграждение готовы показать перед судом что угодно. Как высшее кавказское начальство, так и Министерство Земледелия и Государственных Имуществ давно указывали на неудобство применения закона о давности на Кавказе, где в силу этого закона совершаются самые вопиющие злоупотребления. Для рассмотрения этого вопроса осенью 1894 года была образована при Министерстве особая Комиссия из представителей разных ведомств, и вопрос этот предполагается внести на рассмотрение Комитета Министров. Между тем земельные захваты, совершающиеся под покровом закона о давности, имеют крайне пагубное значение не только для казны. Бывали случаи, когда таким образом захватывались ценные леса, вырубка коих может повести к оголению горных вершин, к оскудению источников рек и т[ому] п[одобное]; имели место захваты земель, издавна населенных крестьянами, которые оказывались всецело в руках лиц, захвативших их земли. Особенно широко практиковалась система захвата земель, заключающих в себе минеральные богатства, напр[имер], нефть. По удостоверению местных чинов Управления Государственными Имуществами, бывали случаи, когда в одну ночь неизвестные люди обводили плужной бороздой участок казенной нефтеносной земли или ставили на нем шалаш, а затем подавали в суд заявление о закреплении за ними в силу закона о давности захваченной таким образом земли, приводя свидетелей из туземцев, которые под присягою показывали, что истцы больше 10 лет владеют и пользуются данным участком. Иногда суд подобные претензии удовлетворял, считая себя обязанным руководствоваться присяжными свидетельскими показаниями и не придавая значения документальным доказательствам. Очевидно, что бороться с такими захватчиками равным оружием казна не может, не имея возможности, ни даже средств на привод в суд свидетелей, всегда готовых за известное вознаграждение показать в пользу частного лица скорее, нежели в пользу казны, от которой они никакого вознаграждения получить не могут. Впрочем, от захватчиков не менее казны страдают и частные лица, бесперестанно вынужденные вести подобные же

процессы и никогда не обеспеченные в своем владении и пользовании даже приобретенной на законном основании землю.

Другую причину крайне низкого уровня экономического развития восточного берега Черного моря составляет полная его обособленность, затруднительность проезда, а иногда и полная невозможность сбыта сельских произведений. На всем пространстве этого побережья — от Анапы и до Батума, т[о] е[сть] на расстоянии свыше 600 верст, имеется в сущности, только три порта, во всякое время доступных для судов, — это именно Новороссийск, Батум и отчасти Сухум. Портовые работы в Потти, поглотившие многие миллионы, до сих пор не привели этот порт в сколько-нибудь удобное для захода и выхода судов состояние. На всем остальном пространстве берега, к сожалению, ни одной закрытой от ветров и сколько-нибудь удобной для стоянки судов бухты нет. Хотя почти везде суда могут свободно подходить к берегу и останавливаться на якоре не в дальнем от него расстоянии, но весьма часто, даже в сравнительно тихую погоду, невозможно установить сообщения между берегом и стоящим на якоре судном, вследствие прибоя и прибрежных бурунов. Так, в 1894 году, в течение почти всего сентября, даже такие важные в торговом отношении пункты побережья, как, напр[имер], Туапсе, обходились пароходами, за невозможностью высадки пассажиров и сдачи грузов. Бочки и прессы для вина, выписанные местными садовладельцами и необходимые им в это именно время для давки винограда, по четыре раза проплывали мимо Туапсе и не могли быть выгружены на берег. Только турецкие фелюги, в прежние годы поддерживавшие сообщение между различными пунктами побережья, умели обходить это препятствие, благодаря особому способу причала, только им доступному, это именно — выбрасывание на берег. Но ныне, в силу закона, воспрещающего каботажное плавание иностранным судам, и это удобство прекратилось. Между тем устранить существующие затруднения для сообщения судов с берегом было бы не трудно и без тех миллионных сооружений, которые устроены в Батуме, Потти и Новороссийске. Для этого достаточно было бы пока ограничиться устройством железных на столбах пристаней, в роде существующих уже в Сухуме и у Ново-Афонского монастыря, стоимостью 30–40 000 руб[лей], и совершенно достигающих цели. Такие пристани необходимо было бы устроить хотя бы в главных торговых пунктах Черноморского побережья — Адлере, Сочи, Туапсе и Джубге.

Омываемый морем и тем не менее лишенный сколько-нибудь удобных морских сообщений Черноморский округ лишен вместе с тем до сих пор и сухопутных сообщений. Построенное на средства, отпущенные для общественных работ, черноморское шоссе, хотя и может представить в будущем весьма хорошую и удобную дорогу, пока своей цели далеко не достигает и именно потому, что на нем не имеется мостов через все сколько-нибудь значительные реки. В летнее время отсутствие мостов особых неудобств не представляет — реки в это время маловодны и переезд их вброд, а более широких — на пароме, вполне возможен. Но в это время года можно пользоваться и пароходным сообщением, потому что море обыкновенно тихо и причал судов возможен. Зато весной и осенью, когда горные реки разливаются, а нередко и зимою, переезд через них становится иногда на долгое время совершенно невозможным или сопряжен с опасностью жизни для решающих переправляться. К сожалению, в это же время и морское сообщение надолго прерывается или становится столь неправильным и невозможным, что приходится иногда по нескольку недель ждать прибытия парохода. Суда, приходящие за грузом, вынуждены нередко по неделям ждать возможности загрузки или уходить порожнем. Вследствие этого, например, фрахт от Адлера или Сочи до Батума дороже, нежели от Батума до Марселя. Для более же громоздких товаров, которые Черноморское побережье могло бы отправлять в изобилии, как, например, лес, такой фрахт совершенно недоступен. Легче и дешевле привезти доски в Батум из Галиции, чем из любого пункта Черноморского побережья.

Не менее важно, чем устройство правильных сухопутных и морских сообщений вдоль берега Черного моря, проложение колесных путей вглубь страны, а в особенности через горы. Теперь такие пути уже имеются от Джубги и Туапсе через горы в Кубанскую область, но они частью не достроены, частью тоже без мостов. Даже такой важный пункт, как Сухум, представляющий лучшую после Батума и Новороссийска бухту, с сухого пути совершенно отрезан даже от своего губернского города Кутаиса и не имеет с внутренними частями губернии никакого сообщения. Через реку Кодор, протекающую между Сухумом и городом Зугдиди, построен великолепный мост,

предназначенный для колесного и для железнодорожного сообщения, но к нему только недавно открыт проезд со стороны Сухума, а со стороны Зугдиди никакого проезда нет. Между тем этот путь прорезал бы богатейшую в культурном отношении область, так называемую Цебельду. Еще важнее было бы, с экономической и стратегической точек зрения, приложение железнодорожной линии от Сухума с одной стороны через горы для соединения с Кубанью и Владикавказской железной дорогой, а с другой — на Зугдиди с Закавказской железной дорогой. Хотя и существует проект такой дороги через Марухский перевал, но она, по мнению многих лиц, близко знающих местные условия, должна предоставить непреодолимые технические затруднения; есть указание на другое направление, более длинное, но гораздо более удобное в техническом отношении — с перевалом не выше 4000 фут[ов]. Вопрос этот имеет для восточного побережья Черного моря и даже для всего Кавказского края столь серьезное значение, что требовал бы самого подробного изучения. В равной мере необходимо ассигнование средств на достройку Черноморского шоссе с мостами на нем, без которых самое шоссе утрачивает всякое полезное значение, и на окончательное устройство названных выше путей от моря в углу страны и на соединении с Северным Кавказом. Только при этом условии край этот может сделаться истинно русским и быть навсегда обеспеченным против таких случайностей, как полное разорение его турками и взбунтовавшимися туземцами Абхазцами, во время последней турецкой войны, когда г[ород] Сухум и многие другие населенные пункты побережья были разграблены и сожжены, а беззащитные жители принуждены были спасаться в горы.

Наконец, проложение хотя бы простейших грунтовых путей необходимо и для разработки лесных богатств и для заселения пустующих ныне, но высокоплодородных земель в более отдаленной от моря нагорной области, которая могла бы дать приют многим тысячам переселенцев русских. Эти русские поселенцы встретили бы здесь, на плоских возвышенностях гор, более привычные им условия культуры; тут могут произрастать излюбленные ими рожь, гречиха, ячмень и другие знаки, для которых внизу, у моря, слишком жарко и сыро. Тут неизвестны лихорадки, от которых гибнут жители низменностей, — даже лихорадки, схваченные внизу, на этих высотах немедленно проходят. По распоряжению Министра Земледелия, эти пригодные для поселения возвышенности ныне приводятся в известность и обнаруживаются для образования на них переселенческих участков; но водворение на них переселенцев будет возможно только при условии проложения сколько-нибудь доступных дорог, на что не потребуется даже особенно значительных средств; на несколько десятков тысяч рублей тут иногда можно сделать многое и открыть для культуры и заселения десятки тысяч десятин. Привлечение в эту нагорную область поселенцев особенно важно и потому, что они увеличат собою крайне недостаточный ныне контингент рабочих рук, необходимых для развития в прибрежной полосе различных видов высшей культуры. В летнее время поселенцы работали бы на своих землях, в нагорной полосе, свободной от лихорадок, а зимою, когда по преимуществу производятся работы по перекопке виноградников и садов, спускались бы вниз, пользуясь более благоприятными в санитарном отношении условиями зимнего времени и находя себе заработки на этих дорого оплачиваемых работах именно в такую часть года, когда они собственным хозяйством не заняты.

Не менее важны для эксплуатации лесов и минеральных богатств Черноморского побережья расчистка и урегулирование горных рек, с целью сделать их доступными для сплава. Многие казенные лесные дачи, как Бзыбская на реке Бзыби, Чубихевская на реке Ингуре, могли бы доставлять ежегодно сотни тысяч бревен самого ценного леса для сплава, которые вскоре вытеснили бы из Батума австрийские доски. Одна Бзыбская дача заключает часть себе миллионы пудов ценного пальмового дерева, которое ныне гниет и пропадает без всякой пользы. Дача уже теперь дает богатейшие ореховые наплывы, которые, однако, могут быть добываемы только из немногих доступных для вывоза мест. Чубихевская дача, по весьма обстоятельному расчету местного лесничего, с затратою 70 000 руб[лей] на расчистку реки Ингура, могла бы снабдить Батум лесным материалом для керосиновых ящиков и удешевить их стоимость на 5–7 коп[еек], считая на пуд керосина. Для открытия разработки леса в этих дачах, заключающих в себе миллионные запасы лесного материала, необходимы и некоторые изменения в действующих ныне правилах эксплуатации казенных лесов, не соответствующих своеобразным условиям этих местностей, столь отличных от условий прочих частей Империи. К пересмотру этих правил

ныне, на основании собранных на месте сведений, уже в Министерстве Земледелия приступлено, и вместе с тем открыты переговоры с некоторыми крупными лесоторговыми фирмами о продаже им леса из названных дач. Бзыбская казенная дача изобилует, кроме того, и минеральными богатствами — залежами свинца, меди, серебра; на эти руды сделано в последнее время много заявок, но эксплуатация их также невозможна, пока не будет проложено к ним сколько-нибудь доступных путей.

Неудовлетворительность настоящего экономического положения Черноморского побережья вызывает настоятельную необходимость обсуждения вопроса о тех мерах, которые должны быть приняты для улучшения этого положения в будущем. В ряду этих мер, по мнению Министра Земледелия и Государственных Имуществ, с которым вполне согласен и Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, генерал-адъютант Шереметев^{xxviii}, на первом плане должно быть поставлено восстановление прежней самостоятельности Черноморского округа, т[о] е[сть] отделение его от Кубанской области, с подчинением непосредственно Главноначальствующему, и организация внутреннего управления округом на началах, выработанных Главноначальствующим. По мнению Министра Земледелия, желательнее было бы присоединение к Черноморскому округу и бывшего Сухумского отдела, ныне округа Кутаисской губернии, ввиду тождественности во многих отношениях его условий с условиями Черноморского округа и необходимости организации его заселения и оживления на одинаковых с последним основаниях⁴). Соединение же Сухумского округа с Кутаисской губернией, вследствие отдаленности от города Кутаиса, неудобства сообщения с ним и коренного различия в условиях округа с прочими частями губернии, представляет серьезную помеху к его развитию.

Далее, необходимо пересмотреть и существенным образом изменить действующие ныне правила о заселении края, образовав вместе с тем предварительно правильно обмежеванные переселенческие участки. При этом прежде всего надлежит разрешить вопрос, какому именно элементу переселенцев следует отдавать предпочтение в будущем — русским или инородцам различных национальностей, как местным (мингрельцы, имеретины, абхазцы, гурийцы и т[ому] п[одобное]), так и пришлым (греки, армяне, галицийские выходцы). Выше было указано, что в прежнее время Кавказское начальство считало русских переселенцев малопригодными для водворения в крае, вследствие незнакомства их со своеобразными условиями его культуры, и всеми мерами стремилось привлечь сюда инородцев, особенно греков и армян. И действительно, опыт показал, что последние лучшие уживаются здесь, нежели выходцы из внутренних губерний России, и скоро утрачивает свое благосостояние, между тем как русские пребывают в бедности, вымирают от лихорадки и не вносят в край никаких новых соответствующих его условиям культур и приемов обработки почвы. Тем не менее, по глубокому убеждению Министра Земледелия и Государственных Имуществ, при заселении Черноморского побережья в будущем не только следует отдавать безусловное предпочтение русскому элементу, но надлежит заселять край исключительно лицами русского происхождения, отказавшись от всякой иноземной его колонизации. Если иностранные выходцы и достигают в некоторых случаях довольно высокой степени благосостояния, то это личное их благосостояние приносит, в общем, очень мало пользы для края, — они живут особняком, сторонясь от русского населения, не сливаясь с ним и только эксплуатируя его в свою пользу; здесь повторяется в этом отношении то же, что с немецкими колонистами на юге России⁵). Если же русские поселенцы в большинстве случаев бедствуют, не применяются к новым для них местным условиям и не сумели еще сделать ничего или почти ничего не только для пользы края, но и для своей собственной пользы, то это объясняется теми особенно неблагоприятными условиями, в которые была поставлена русская колонизация. Первыми колонистами явились казаки Шапсугского берегового батальона, — но помимо того, что казаки и в местах своей постоянной оседлости оказываются плохими хозяевами, — на долю их выпала здесь борьба с еще неумеротворенными враждебными местными элементами,

^{xxviii} Шереметев Сергей Алексеевич (1836–1896) — генерал от кавалерии. С 1855 г. состоял при Главнокомандующем Отдельным Кавказским корпусом. В 1876 г. — командир Сводной Кавказской казачьей дивизии, в 1877 г. — 1-й Кавказской кавалерийской дивизии. В 1882 г. — начальник Кубанской области, наказной атаман Кубанского казачьего войска. С 1890 г. — Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе.

им приходилось водворяться и приступать к обработке отведенных им земель, так сказать, с оружием в руках. Хотя они при поселении и пользовались довольно значительными льготами, но самые эти льготы до известной степени их избаловали. Позднейшие же поселенцы из русских набирались совершенно случайно, без всякого разбора; нередко водворялись целые толпы оборванцев, собранных на базарах в городах Одессе и Николаеве из самых подонков населения этих портовых городов, и которые не знали, но и не хотели знать никакого серьезного труда, привыкнув к жизни изо дня в день, в расчете на случайные заработки. Когда потом начался наплыв переселенцев крестьян из внутренних губерний, то их стали водворять как попало, большею частью приселяя к образованным уже ранее поселениям, без всякого разбора, предоставляя их исключительно их собственными силами, посреди чуждой и незнакомой им обстановки; прежние попечители, заведовавшие переселениями на местах, были упразднены как раз во время наибольшего наплыва переселенцев из России. Никакого подбора при водворении поселенцев между ними не делалось; селились вместе выходцы из Малороссии с великороссами, жители в черноземных степных губерний с выходцами из лесистых местностей и т[ому] п[одобное]. Ища мест для водворения, наиболее напоминавших привычные им на родине условия, они стремились селиться в низинах, у берегов рек, у взморья, т[о] е[сть] в местах, наиболее подверженных лихорадкам, избегая незнакомых им гор, где санитарные условия неизмеримо лучше. Приведенный ими из России скот погибал, не вынося, как и люди, непривычных климатических условий; в огромном числе он истреблялся и дикими зверями, для борьбы с которыми, еще до запрета охоты, у поселенцев не было ни ружей, ни пороха. Привезенные из России орудия — сохи, плуги, семена культурных растений — оказывались также непригодными для здешних почв и климата, научиться же новым приемам культуры поселенцам было негде, — ни примеров, ни руководителей они в этом отношении не имели: инородцы их себе не пускали, школ и образцовых хозяйств поблизости не было, попечительная о нужных переселенцев власть отсутствовала. Помимо того, среди окружающих их враждебных инородческих элементов русские переселенцы чувствовали себя в положении угнетенной народности, нигде не находившей ни защиты, ни поддержки, в то время как инородцы были тесно между собою сплочены и стояли друг за друга горой. И тем не менее Министр Земледелия имел возможность убедиться, что везде, где русские поселенцы могли воспользоваться хорошими примерами рациональной и соответствующей местным условиям культуры, где они находили себе хоть некоторую поддержку, сначала со стороны попечителей, а потом со стороны добровольных радетелей о благе народном, положение их очень быстро улучшалось. Такими примерами рациональной культуры являлись для них удельное имение Абрау, имения барона Штейнгеля, Сибирякова, Еропкина, Пенчула, Пиленко и некоторых других. Такими руководителями темной русской крестьянской массы переселенцев являлись Ново-Афонский монастырь, г[оспода] Еропкин, барон Штейнгель, окружной садовод в Туапсе Борисенко и некоторые другие. Примеры названных выше имений и деятельность означенных лиц не замедлили принести полезные результаты. Вокруг них крестьяне взялись за садоводство, за виноградарство и уже теперь находят себе этим способом источники благосостояния там, где прежде, по их понятиям, жить нельзя было. Приходя мало-помалу к осознанию необходимости изменения прежнего строя своих хозяйств, они просят о школах, о присылке им руководителей, о раздаче виноградных чубуков и фруктовых саженцев, просят поддержки их зарождающемуся садоводству и виноделию. Успехи, достигнутые в этом направлении некоторыми из русских переселенцев, заслуживают полного внимания и служат залогом еще большего развития этого дела в будущем. Таковы крестьянские сады и виноградники в окрестностях Анапы в сел[е] Береговом, в сел[е] Вельяминовском, в Архипоосиповке и в некоторых других местностях. Как всегда, русский человек оказывается сперва в высокой степени выносливым среди самых неблагоприятных условий, а потом и переимчивым и способным примениться к этим условиям, коль скоро он находит поддержку, пример и указание, как взяться за дело, чтобы с ним совладать. Таким образом, водворение в крае русских поселенцев труднее, нежели водворение инородцев, оно требует на первых порах больших усилий и даже пожертвований со стороны Правительства, но оно необходимо для усиления русского элемента среди чуждых и не всегда достаточно надежных народностей, для поднятия престижа русского имени, для водворения русской веры,

русского языка и русской цивилизации в крае, покорение которого стоило нам стольких жертв и столько русской крови.

Но засим естественно выступает вопрос, какими способами можно увеличить число русских поселенцев в крае, где вследствие слишком широкого фактического наделения землею старожилов, как русских, как еще более инородцев, вследствие раздачи и распродажи громадных площадей земли в частные руки, площадь свободных под будущее поселение земель представляется, по-видимому, совершенно ничтожной. Именно, по исчислению местной администрации, свободных и пригодных под поселение земель считается теперь не более 12 000 десятин, что, по принятой ныне норме наделения — 30 дес[ятин] на двор — хватит не более как на 400 семейств. Принимая нормальный состав семьи в три души мужского пола, окажется, что в Черноморском округе можно приселить еще около 1200 душ, что с проживающими там ныне 17 000 душ составит около 18 000 душ на весь округ. В Сухумском округе считают возможным пристрелить еще около 600 дворов, т[о] е[сть] цифру, также совершенно ничтожную. Исходя из этих данных, пришлось бы признать, что край, который во времена горского владычества давал приют и обеспечивал существование нескольких сот тысяч горцев, не может ныне вместить более двух десятков тысяч русских, силы которых конечно вполне недостаточны не только для высокого развития в нем культуры, но и для приведения его хотя бы в то состояние, в котором он был во времена занятия его горцами. Очевидно, что с таким заключением примириться было бы невозможно и необходимо изыскать выход из этого вполне ненормального положения.

Прежде всего надлежит заметить, что в счет свободных под переселение земель вовсе не входят те более отдаленные от морского побережья и ныне за отсутствием путей почти неприступные нагорные места, которые, однако, по естественным, климатическим и почвенным условиям представляют все удобства для водворения на них русских крестьян, коль скоро они будут связаны удобными путями с другими частями округа. Этим одним способом можно в будущем открыть для заселения несколько десятков тысяч десятин. Далее, в счет тех же предназначенных под переселение земель, не вошли казенные оброчные статьи и казенные же лесные площади. Между тем эти оброчные статьи, при малонаселенности края и слабom вследствие этого спросе на землю, переносят казне ничтожный доход; с отделением части этих статей под переселение доходность остальных может только увеличиться; но и независимо от сего, по мнению Министра Земледелия и Государственных Имуществ, главною задачею вверенного ему ведомства в Черноморском округе должно быть не столько увеличение казенного дохода от земель, сколько оживление края и развитие в нем таких культур, которые требуют больших затрат труда и капитала, — условия почти недостижимые на землях, находящихся в руках казны и эксплуатируемых путем сдачи их в аренду на более или менее короткие сроки. Что же касается лесных площадей, то, признавая безусловно необходимым навсегда сохранить в руках казны все ценные лесные насаждения, а равно все леса, имеющие по расположению своему особое защитное значение, в смысле предохранения источников рек от обмеления, горных вершин и склонов от оголения и обвалов, Министр Земледелия не мог, однако, не обратить внимания на то, что в числе казенных лесных площадей есть немало таких, которые отнюдь такого полезного значения не имеют, по роду насаждения никакой особенной ценности не представляют и обращение которых в культурное состояние было бы, напротив того, весьма полезно для улучшения санитарных условий края. Таковы лесные заросли на болотных низинах, которые теперь только поддерживают и распространяют малярию, таковы леса, насколько испорченные хищническим хозяйством и пастьбою скота в прежнее время, что они уже не могут дать цены лесной поросли, без обращения к искусственным лесокультурным приемам, которые едва ли могут окупиться, даже в далеком будущем, в крае, и без того столь богатым лесом; таковы, наконец, обширные лесные площади, покрытые мелким, корявым буковым и грабовым лесом, который здесь никакой цены не имеет и эксплуатировать быть не может. С выделением же, так сказать, в заказ, лесов первой категории т[о] е[сть], лесов ценных и защитных, на которых должно быть установлено правильное лесное хозяйство, все остальные лесные площади могут быть постепенно обращаемы в надел переселенцам; этим способом также откроются под переселение и культуру обширные, ныне не только совершенно непроизводительные, но даже вредные с санитарной точки зрения для местного населения площади земли.

Но, наряду с образованием из свободных казенных земель переселенческих участков, казалось бы необходимым выделить из них же особые мелкие участки, с целью предоставления их на известных условиях лицам, желающим поселиться в крае для занятия в нем садоводством, виноградарством и другими видами высшей культуры. Привлечение в край такого рода лиц, наряду с простыми переселенцами из крестьян, было бы в высшей степени полезно, так как они не только своей личной деятельностью содействовали бы оживлению края, но и служили бы примером для крестьян-переселенцев. Устав о сельском хозяйстве уже ныне предоставляет Министру Земледелия право отвода земельных участков на льготных условиях под разного рода высшие культуры, но действующие в этом отношении правила оказались настолько не практичными, что вовсе не достигли цели и побудили Министерство Государственных Имуществ отказаться от их применения. С переработкою же сих правил применительно к условиям Черноморского округа, казалось бы, возможным ожидать от предлагаемой меры больше пользы. Главное внимание при такой переработке должно быть обращено на устранение некоторых крайне стеснительных ныне требований, в роде засадки известной части отводимой площади точно определенным числом растений, а также не предоставления участка в полную собственность лица, даже выполнившего все условия отвода и т[ому] п[одобное]. С другой стороны, во избежание захвата участков со спекулятивными целями и оставления его затем без всякой обработки, надлежало бы сократить срок, в течение которого условия отвода должны быть выполнены, и установить с первого же года отвода оброчную плату, которая должна служить основанием для исчисления размера цены, по которой участок может, по выполнении всех условий отвода, быть выкуплен в полную собственность. Вместе с тем, казалось бы, необходимым уменьшить размеры участков, определенные ныне в 50 и 100 дес[ятин], так как для высших культур столь значительные участки не требуются, и одновременно установить известные ограничения в отношении перехода означенных участков в другие руки, чтобы избежать водворения в крае этим путем нежелательного элемента владельцев. Желающих получить участки на этих условиях — множество и есть полное основание рассчитывать, что с осуществлением настоящего проекта развитие края в культурном отношении пойдет вперед быстрыми шагами. В настоящее время уже разработан вопрос об образовании подобных участков, для обращения их в продажу под высшие культуры, вблизи Новороссийска (Печайская дача) и Геленджика.

Гораздо труднее разрешить вопрос о том, как поступить с теми громадными пространствами земли, которые были отведены в надел местному населению и которые находятся в фактическом его пользовании в количествах, как было объяснено, иногда во много раз превышающих законом установленные наделы. Хотя по причинам, которые были приведены выше, наделение населения землею в количестве 30 дес[ятин] на двор или 20 дес[ятин] на душу в таком крае, как Черноморский округ, составляет, по мнению Министра Земледелия, ошибку, так как подобные наделы не соответствуют ни силам населения, ни тем культурным условиям, которые здесь существуют, отнимать у населения то, что ему было предоставлено словом закона, представлялось бы ныне невозможным. Такая мера, быть может, по существу и полезная, не соответствовала бы достоинству правительственной власти и подорвала бы к ней доверие со стороны населения, тем более что казакам бывшего Шапсугского батальона наделы были отведены в полную собственность. Хотя позднейшим поселенцам наделы отводились не в собственность, а только в пользование, уменьшать ныне размеры этого пользования было бы точно так же невозможно. Но совсем иначе представляется вопрос о тех излишних, сверх законного надела, землях, которые состоят в фактическом пользовании населения, частью вследствие отвода ему не отмежеванных участков, частью вследствие прямых захватов никем не охраняемых земель. На эти сверхнадельные земли население не имеет никакого права, и отрезка их для предоставления будущим переселенцам предоставляется и необходимой и вполне справедливой, так как нельзя допустить, чтобы ничтожное сравнительно число поселенцев владело землею в количестве далеко большем, нежели какое оно может обработать и эксплуатировать, а всем другим желающим поселиться в крае отказывалось бы в то же время в земле. Производимое ныне впервые в крае межевание крестьянских юртовых земель указывает на громадные избытки таких подлежащих отрезке земель, которые и могут служить для нужд будущего поселения. Чтобы судить о размерах этих отрезков, достаточно привести примеры греческого селения Прасковей,

у которого, сверх нормального надела в 1500 десятин, приходится отрезать 12 000 десятин, селения Лазаревского, у которого сверх надела в 2000 десятин нужно отрезать 17 000 десятин, и т[ому] п[одобное]. Таким образом, с приведением крестьянских наделов к *законной норме*, откроются под поселение громадные площади свободных и пригодных для культуры земель, ныне по большей части лежащих втуне. В некоторых местах, там, где среди пригодных для эксплуатации земель имеется много земель действительно неудобных, — горные кряжи, крутые недоступные ни для какой обработки склоны, голые скалы и т[ому] п[одобное], быть может, придется оставить в пользовании крестьян земельные наделы площадью несколько больше нормальных, но и там нет основания оставлять за ними все то, что они ныне без всякого законного основания фактически себе присвоили в ущерб общему развитию края и во вред будущей необходимой его колонизации.

Но отрезка этих излишних против законного надела земель может встретиться и в действительности встречается с одним существенным практическим неудобством, которое заключается в том, что среди этих обширных и большею частью совершенно некультурных пространств попадаются разбросанные отдельными небольшими оазисами участки крестьянских земель, разделанных под пашни, под покосы, реже под сады и т[ому] п[одобное]. Изредка встречаются среди них и остатки горских садов, подновленные более предприимчивыми из поселенцев. Сразу лишить крестьян возможности пользоваться этими участками, разработка которых из-под леса стоила им иногда большого труда, было бы несправедливо. Но и оставление за ними этих отдельных, обыкновенно разбросанных на огромном пространстве, участков было бы также неудобно, так как вызвало бы чересполосицу, одинаково нежелательную в интересах как старых, так и новых поселенцев. Устранение этого неудобства, казалось бы, возможным достигнуть двумя способами, подобными тем, которые уже применены Высочайше утвержденными правилами об образовании переселенческих участков вдоль линии Сибирской железной дороги, а именно: предоставлением старожилам права переселиться на разработанные ими участки, с приурочением к ним всего их земельного надела и под условием включения в состав образуемых новыми переселенцами сельских обществ, или же временным оставлением в их пользовании упомянутых выше участков на такой срок, который был бы достаточен для выручки понесенных на разработку их расходов. Срок этот, казалось бы, возможным определить для пастбищ и сенокосов в три года, для пахотных угодий в пять лет. Такая мера была бы тем более практичной, что хотя образование переселенческих участков желательно было бы начать безотлагательно, фактическое водворение на них переселенцев будет производиться постепенно, в течение нескольких лет; остановленные же за это время без обработки участки могли бы вновь заглохнуть и зарости лесом, с которым здесь даже и на культивируемых участках приходится вести постоянную упорную борьбу.

За таким разрешением данного вопроса, с которым вполне согласна и местная администрация и которое представляется единственным способом хотя до некоторой степени примирить поселенцев с необходимостью отрезки от них излишних земель, дарованные им наделы в 30 дес[ятин] на двор или 20 дес[ятин] на душу придется за ними оставить. Для того же, чтобы эти обширные наделы не оставались навсегда столь мало производительными, как теперь, и для того, чтобы открыть доступ новым поселенцам на эти земли, с которыми настоящее ничтожное по численности население не может и едва ли когда-нибудь будет в состоянии совладать, казалось бы, необходимым принять еще одну меру, хотя и радикальную, но единственно в данном случае целесообразную, это именно: предоставить всему населению, уже водворенному в крае и вынесшему, так сказать, на своих плечах все трудности первого поселения в дикой и лишь наполовину умиротворенной стране, права полной собственности на земли, дав ему вместе с тем и права отчуждения этих земель на известных, определяемых Правительством условиях. Спрос на земли на Черноморском побережье теперь громадный. На небольшие, предназначенные к отводу в частные руки, участки казенной земли, желающие являются сотнями, предлагая арендную плату в 5–10 руб[лей] за десятину в год, среди тех самых земель, которые поселенцы оставляют, лежат втуне, потому что они не пригодны для культуры ржи или гречихи. Такая арендная плата соответствует капитальной стоимости земли в 100–200 руб[лей] за десятину. Если бы крестьянам, не знающим, что со своей землей делать и бедствующим на своих громадных наделах,

предоставлено было право хотя некоторую часть их продать, то это, с одной стороны, дало бы им значительные денежные средства, которыми они могли бы воспользоваться для обращения, под надлежащим руководством, остальной, оставляемой в их владении, земли к более совершенным культурам, как виноградарство и садоводство, а с другой стороны, это мера имела бы последствием водворения 4–5 семейств там, где теперь с трудом добывает себе скудное пропитание одна семья. Но при таком разрешении крестьянам отчуждения своих земель необходимо предусмотреть две опасности, против которых должны быть приняты надлежащие меры, это именно: скупка крестьянских земель спекулянтами с целью их перепродажи и водворение в крае на приобретенных у крестьян землях нежелательных иноземных элементов — греков, армян и других инородцев, и теперь уже тысячами притекающих в край. Для предупреждения этого необходимо определить максимальный размер участка, который может быть приобретаем в одни руки — примерно 5, самое больше 10 десятин, и допущение сделок не иначе, как под контролем и с разрешения администрации, которая могла бы давать разрешение на покупку только русским и в крайнем случае эстонцам, латышам, но ни в коем случае не азиатским выходцам. Для облегчения же подобного рода сделок по покупке крестьянами крестьянских же участков, казалось бы, возможно распространить на этот край действия Крестьянского Поземельного Банка, с теми изменениями в его Уставе, которые будут вызваны особенными местными условиями.

Осуществление проектируемых мер, несомненно, откроет под будущее заселение обширные пространства ныне пустующих земель. Но для того, чтобы надлежащим образом использовать эти земли и действительно водворить на них рациональную, а не хищническую культуру, необходимо изменить действующие ныне правила отвода земель и, вместо настоящих наделов в 30 дес[ятин] на двор, установить для новых поселенцев нормы надела гораздо меньшие и более сообразованные с местными условиями, — в 3–5 и самое большее 10 десятин, смотря по условиям почвы и роду возможных на них культур. При этом надлежит иметь в виду, что благосостояние поселенца здесь обуславливается отнюдь не обширностью предоставляемого ему участка земли, но количеством труда, которое он положит на его разработку, и, следовательно, размеры должны быть сообразованы с характером возможной в каждой местности культуры и наличными силами крестьянского двора. Одна десятина, занятая виноградником или фруктовым садом, может обеспечить поселенца лучше, нежели 30 десятин пускающей или кое-где разрабатываемой под посев хлебных злаков земли. Необходимо в то же время наблюдать за тем, чтобы крестьяне действительно обращались к тем культурам, которые здесь могут быть наиболее производительными, и оказывать им в этом отношении необходимое содействие.

Весьма вероятно, что при том приливе поселенцев и рабочих рук, который будет вызван осуществлением проектируемых мер, оживится в крае и частновладельческое хозяйство на землях, пожалованных или приобретенных в прежнее время на льготных условиях частными покупателями. Часть этих земель, вероятно, перейдет в свою очередь в руки поселенцев при содействии того же Крестьянского Банка. Однако и за всем тем есть основание опасаться, что более или менее значительная часть этих земель будет по-прежнему оставаться втуне, в руках лиц, которые приобрели их в расчете на дальнейшее в будущем возвышение цен, в видах, следовательно, чисто спекулятивных. Выше было указано, какой вред эти некультурные земли переносят всей окружающей их местности. Но так как Правительство при бесплатной раздаче и льготной продаже обширных пространств земель в частные руки руководствовалось единственно стремлением оживить край и содействовать развитию в нем культуры, то, казалось бы, что против лиц, не оправдывающих этих ожиданий Правительства, надлежит принять некоторые понудительные и репрессивные меры. Не прибегая, как это предлагают некоторые, к обратному отобранию этих земель в казну от их нерадивых владельцев, было бы возможно, в видах возбуждения последних к постепенной разработке принадлежащих им земель, обложить эти земли известным налогом, освобождая от него земли культивированные. Сначала этот налог должен быть очень умеренным, но потом его необходимо последовательно повышать, чтобы сделать невыгодным оставление в непроизводительном состоянии обширных пространств земли, в настоящем некультурном своем виде вредных для края вследствие развития на них болотных миазмов. Оставляя даже в стороне вопрос о необходимости разработки этих пространств в видах экономических, Правительство вправе требовать постепенного

обращения их в культурное состояние в целях санитарных, как очагов заразы, от которых страдает все окрестное население.

Наконец, для содействия развитию Черноморского побережья и водворению на нем высшей культуры, необходимо учреждение школ садоводства, опытных станций, устройство питомников, снабжение населения виноградными чубуками, содействие сбыту вина, фруктов и других произведений. Необходимы ипотечный и еще более мелиоративный кредиты. Кроме того, необходимо привлечение в край таких деятелей, которые могли бы оказывать населению непосредственное содействие в новом для него деле распространения высоких культур, — учреждением должностей агрономов, садоводов, виноделов и т[ому] п[одобное]. Министерство Земледелия и Государственных Имуществ отчасти уже пошло навстречу этим потребностям, испросив Высочайшее соизволение на учреждение в посадке Сочи и в гор[оде] Сухуме двух садовых и сельскохозяйственных опытных станций, к устройству коих ныне уже приступлено и во главе которых поставлены лица вполне компетентные, знающие условия края и могущие служить руководителями для местного населения. В настоящее время возбужден вопрос о преобразовании существующей в Сухуме горской школы в школу сельского хозяйства и садоводства с передачею этой школы из ведения Министерства Народного Просвещения в ведение Министерства Земледелия. Но за сим потребуются еще целый ряд других мер, связанных с более или менее значительными, хотя, несомненно, производительными, затратами из казны для постановки Черноморского побережья Кавказа на тот путь широкого развития и процветания, для которого он имеет все задатки. Некоторые из этих мер уже намечены выше, — другие будут выясняться по мере того, как будет приступлено к выполнению тех задач, которые необходимо поставить ныне на первую очередь и которые не замедлят принести свои полезные результаты. Не может подлежать сомнению, что при осуществлении этих задач природные богатства Черноморского края весьма скоро принесут довольство и всему тому многочисленному населению, которому он будет в состоянии дать приют на склонах своих гор и на пустынных донине прибрежьях охватывающего его моря. Достижение этих целей возможно в сравнительно недалеком будущем, если только делу будет ныне же положено твердое начало.

РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 155. Л. 17–30. Подлинник. Машинопись

- 1) Собственный заголовок документа.
- 2) На полях от руки: «Читал».
- 3) На полях от руки: «Собственной Его Императорского Величества рукой начертано: «Читал». В С.-Петербурге 28 января 1895 г. Министр Земледелия и государственных имуществ Ермолов».
- 4) На полях от руки: «Вполне разделяю это мнение».
- 5) На полях от руки: «Совершенно верно».

References

Bakhtadze K. E. *Razvitiye kul'tury chaya v SSSR* [Development of Tea Culture in the USSR]. Tbilisi: Izd-vo Akademii nauk Gruzinskoy SSR Publ., 1961. (In Russian).

Panaetov O. G. [Founders and Ideals of the “Krinitsa” Community]. *Vestnik Adygeiskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedeniye* [Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art History], 2011, no. 1, pp. 44–49. (In Russian).

Zubkov K. I., Poberezhnikov I. V., Shumkin G. N. [Formation of Modernization Policy of Russian Empire’s Peripheries at the End of the 19th Century: Proposals and Projects by Alexey Yermolov]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Journal of Frontier Studies], 2020, vol. 5, no. 4 (20), pp. 106–126. DOI: 10.46539/jfs.v5i4.239 (In Russian).